

М.Н. Бережков

**Блаженный Игорь Ольгович,
князь Новгородсеверский и
великий князь Киевский**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б48

Б48 **Бережков М.Н.**
Блаженный Игорь Ольгович, князь Новгородсеверский и великий князь Киевский / М.Н. Бережков – М.: Книга по Требованию, 2015. – 44 с.

ISBN 978-5-458-14984-6

Исторический очерк М.Н. Бережкова.

ISBN 978-5-458-14984-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

II.

Князь Игорь Ольговичъ жилъ и дѣйствовалъ въ первой половинѣ XII вѣка. Онъ былъ потомкомъ Рюрика въ восьмомъ колѣнѣ, праправнукомъ св. Владиміра, правнукомъ Ярослава Мудраго и внукомъ Святослава Ярославича, родоначальника всѣхъ Черниговскихъ князей.

Родители его были Олегъ Святославичъ, князь Черниговскій, позже Новгородѣверскій, и супруга его, урожденная княжна половецкая, во святомъ крещеніи Теофанія (1).

Игорь — это было княжеское мірское имя его; при святомъ же крещеніи онъ получилъ имя Георгія. Съ этимъ послѣднимъ онъ значится въ черниговскихъ синодикахъ; южнорусская лѣтопись также свидѣтельствуетъ, что въ одномъ черниговскомъ селѣ, принадлежавшемъ Игорю Ольговичу, была церковь во имя святаго Георгія: очень вѣроятно, что эта церковь была построена имъ самимъ въ честь своего аягела (2).

Воспитанный родителями въ христіанскомъ законѣ молодой княжичъ былъ своевременно обученъ грамотѣ, по княжескому обычаю. Большинство князей того времени, не рѣдко также княгини и княжны, были грамотными; многіе сами занимались списываніемъ книгъ; иные успѣвали списать ихъ и собрать въ очень значительномъ количествѣ: такъ, на примѣръ, Ярославъ Мудрый, по свидѣтельству начальной кіевской лѣтописи, собралъ многихъ писцовъ и много книгъ, самъ лично занимался перепискою ихъ, и всѣ собранныя книги сложилъ при Софійскомъ кіевскомъ храмѣ, на пользованіе духовенству и кіевскимъ жителямъ: это была древнѣйшая общественная бібліотека въ стольномъ городѣ русскомъ. Его сынъ Святославъ, князь черниговскій, послѣ великій князь кіевскій, дѣдъ нашего блаженнаго князя, былъ также большимъ

любителемъ и собирателемъ книгъ: это доказываютъ два большіе сборника, для него составленные и носящіе его имя (Святославы „Изборники“); одинъ изъ ихъ переписчиковъ, увлеченный личностью князя, любителя книгъ, называетъ его даже новымъ „Птолемеемъ“. Да и всѣ вообще потомки Ярослава Мудраго унаслѣдовали его благородную любовь къ книжному чтенію; оттого князья были просвѣщеннѣйшими людьми своего вѣка, на ряду съ епископами, иноками и священниками, боярами и дьяками. Съ самой свѣжей любовью, да съ вѣрой въ спасительность для души читались тогда книги, то есть прежде всего священныя книги. „Великая польза бываетъ человѣку отъ книжнаго ученя, разсуждастъ преподобный кievскій лѣтописецъ: ибо книгами мы наставляемъ на путь покаянія, обрѣтаемъ въ нихъ мудрость и воздержаніе; онѣ какъ рѣки, папалющія вселенную; въ нихъ неисчетная глубина, ими мы утѣшаемъ въ печали, онѣ суть узды воздержанія; если прилежно будемъ искать въ нихъ мудрости, то найдемъ ее и получимъ пользу душъ своей“. Тотъ же преподобный лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ своего превосходнаго труда слѣдующимъ образомъ говоритъ о постепенномъ умноженіи христіанскаго книжнаго просвѣщенія въ Руси. „Подобно тому, какъ кто нибудь распашетъ землю, другой же засѣетъ ее, а прочіе пожинаютъ и вкушаютъ пищу не скудную, было такъ и у насъ: Владиміръ, отецъ Ярослава, вспахалъ и умягчилъ землю, то есть просвѣтилъ ее крещеніемъ; Ярославъ насѣялъ сердца вѣрныхъ людей книжными словесами, а мы уже пожинаемъ плоды книжнаго ученя“ (3). Такъ думалъ кievскій лѣтописецъ, преподобный Несторъ, и многіе его современники, просвѣщенные христіане русскіе, новые люди, возрожденные Христовымъ ученіемъ.

Князь Игорь Ольговичъ принадлежалъ къ поколѣнію именно этихъ просвѣщенныхъ христіанъ, этихъ новыхъ людей, пожинав-

шихъ плоды книжнаго христіанскаго ученія, посѣяннаго Ярославомъ на приготовленной отъ св. Владиміра почвѣ.

О любви Игоря Ольговича къ книгамъ и къ церкви, объ его характерѣ также и наружности драгоцѣнныя черты сохранилъ для насъ одинъ современный ему лѣтописецъ, — не преподобный Несторъ, выше упомянутый, а нѣкто другой, по имени не извѣстный, по видимому, житель Владиміра Волынскаго, близко знакомый съ нашимъ княземъ, но не вполне къ нему расположенный. Вотъ что онъ пишетъ про него: „сей князь Игорь Ольговичъ былъ мужъ храбрый и великій охотникъ къ ловлѣ звѣрей и птицъ; былъ читатель книгъ и въ пѣніи церковномъ ученъ: мнѣ часто случалось вмѣстѣ съ нимъ пѣть въ церкви, когда онъ былъ во Владимірѣ. Ростомъ онъ былъ средній, сухощавъ, лицомъ смуглъ; волосы сверхъ обычая (т. е. княжескаго обычая) носилъ длинные, какъ священникъ, бороду же имѣлъ не большую, узкую“. Таково изображеніе характера и наружности благовѣрнаго князя, сообщаемое намъ отъ его современника, знакомаго съ нимъ! Не скроемъ здѣсь и не благопріятнаго отзыва объ Игорѣ Ольговичѣ того же лѣтописца. Онъ говоритъ про князя, будто онъ „мало почиталъ священническій чинъ и не хранилъ постовъ, за что мало былъ любимъ у народа. Егда же въ монастырѣ былъ подъ стражею, тогда прилежно уставы иноческіе хранилъ, но притворно ли себя показуя, или совершенно въ покаяніе пришелъ, сего не вѣмъ, но Богъ паче вѣсть совѣсти чловѣкъ“ (4). Сколько здѣсь прямой правды, мы конечно не знаемъ. Одно твердо знаемъ: Единъ Богъ безъ грѣха; людямъ же свойственно ошибаться и грѣшить, — говоримъ это также съ увѣренностью какъ про блаженнаго князя, такъ и про лѣтописца, о немъ судящаго; какъ разъ возможно, что послѣдній преувеличиваетъ недостатки князя Игоря Ольговича или по недоразумѣнію, или просто по личному нерасполо-

женію къ нему и къ его братьямъ Ольговичамъ. Тѣмъ дороже, тѣмъ достовѣрнѣе для насъ положительныя добрыя черты въ характерѣ благовѣрнаго князя; его любовь къ чтенію книгъ и къ церковному пѣнію, его личная храбрость, во многихъ случаяхъ дѣйствительно имъ оказанная на войнѣ. Вполнѣ вѣримъ и тому, что онъ былъ любителемъ охоты; въ тотъ вѣкъ охота на звѣрей и птицъ составляла любимое благородное развлеченіе князей и обычный прибыльный промыселъ всего населенія, благо что было много лѣсовъ, полныхъ всякаго звѣря и птицы; въ частности черниговскій край тогда былъ гораздо больше лѣсистымъ, чѣмъ теперь; въ черниговскихъ пущахъ тогда водились кромѣ обыкновенныхъ звѣрей еще туры и олени: было чѣмъ развлечься храбрымъ охотникамъ князьямъ!

Извѣстно по лѣтописи, что князь Игорь Ольговичъ былъ женатъ; но кто была его супруга,—русская ли княжна, или крещеная княжна половецкая, какъ была его мать, или какъ еще невѣстка его, первая супруга младшаго брата его, Святослава Ольговича, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Равнымъ образомъ нѣтъ надежныхъ свѣдѣній о его дѣтяхъ (5).

III.

Время, когда князь Игорь Ольговичъ выступилъ на поле дѣятельности, было не спокойное. Многочисленные потомки св. Владиміра много спорили между собой о томъ, кому владѣть Кіевомъ, старшимъ городомъ земли Русской. Справедливымъ казалось, чтобы старшій князь въ цѣломъ княжескомъ родѣ былъ государемъ и самаго старшаго города земли. Да и на самомъ дѣлѣ обыкновенно бывало, что по смерти одного великаго князя мѣсто его въ Кіевѣ занималъ слѣдующій за нимъ по старшинству князь, переходившій въ Кіевъ изъ Чернигова, или изъ Переяславля, или изъ Смоленска,

или изъ иного города. Жаль только, что не всегда точно соблюдался этотъ порядокъ. Не разъ случалось, что какой нибудь молодой да храбрый князь начнетъ споръ за Кіевъ съ княземъ старше себя, но не столь храбрымъ и дѣятельнымъ, одолѣетъ его и сидеть на княженъ въ Кіевѣ. Иной великій князь готовъ былъ передать свою власть сыну, либо брату, не справляясь, какой князь въ другихъ семействахъ есть старшій въ цѣломъ княжескомъ родѣ, и не совѣтуясь съ другими князьями, болѣе дальними родственниками. Кіевляне, то есть мѣстные бояре и дружина, городскіе и земскіе жители, соглашались переходить по наслѣдству къ дѣтямъ великаго князя, если этотъ князь и его дѣти нравились имъ; въ прогивномъ случаѣ тѣ же кіевляне громко говорили: „мы не хотимъ переходить, какъ будто по наслѣдству“. Такъ было въ Кіевѣ на старшемъ столѣ русскомъ. Въ княжествахъ Черниговскомъ, Смоленскомъ и прочихъ областныхъ княжествахъ было такъ же: и тамъ желали установить такой порядокъ владѣнія, чтобы старшій изъ мѣстныхъ князей получалъ и старшую, лучшую волость, то есть на примѣръ Черниговъ въ княжествѣ черниговскомъ; князь помоложе долженъ былъ получить и городъ по меньше, напр. Новгородъ Сѣверскій, или Путивль и проч. Но и въ областныхъ княжествахъ нерѣдко случалось, что младшіе братья не слушались старшихъ, племянники дядей, и насильно снимали у нихъ волости. Бывало и такъ, что старшіе обидятъ младшихъ, дадутъ имъ слишкомъ малыя волости, или никакой не дадутъ: тогда обиженные возьмутся за оружіе, скажутъ старшимъ: „тенись насъ Богъ разсудитъ съ вами“.

Къ этому прибавимъ, что въ княжескія дѣла постоянно входили совѣтники князей, ихъ бояре и дружина. Конечно, бывали добрые совѣтники, впушавшіе своимъ князьямъ миръ, умѣренность, справедливость, но бывали и не добрые, которые только ссорили

своихъ государей. Жители большихъ городовъ, какъ Кіева и Новгородъ, также позволяли себѣ вмѣшиваться въ княжескія отношенія, стали договариваться съ князьями, на какихъ условіяхъ имъ владѣть, какимъ порядкомъ производить судъ, какія судебныя пошлины и доходы получать и т. п. При этомъ кіевляне всегда высказываютъ свою любовь къ князьямъ Мономахова рода, призываютъ ихъ къ себѣ княжить и всячески поддерживаютъ, готовы переходить подъ ихъ власть по порядку наследства отъ отца къ сыну. Иное дѣло—князья Черниговскіе: къ нимъ кіевляне очень не расположены, не охотно принимаютъ ихъ къ себѣ на княженіе, если ктонибудь изъ нихъ по родовому старѣйшинству имѣлъ право княжить въ Кіевѣ.

Замѣтимъ себѣ лучше это обстоятельство для исторіи блаженнаго князя Игоря Ольговича: въ Кіевѣ охотно встрѣчаютъ князей Мономаховичей, и сильно не расположены къ черниговскимъ Ольговичамъ.

Наконецъ во внутренія междукняжескія дѣла вмѣшивались сосѣди Русской земли: поляки, угры, и особенно же половцы, кочевавшіе въ степи на украинѣ. Ихъ призывали иногда сами князья другъ противъ друга; чаще степняки отъ себя дѣлали набѣги на Русь, пользуясь княжескими распрями, жгли селенія, грабили скотъ и небогатое имущество сельчанъ, забирали въ плѣнъ ихъ самихъ,—и все это безнаказанно дѣлали до тѣхъ поръ, пока князья не помиряются между собой, и сообща не прогоняютъ степныхъ разбойниковъ.

Таково было время, когда жилъ и дѣйствовалъ князь Игорь Ольговичъ! Тогда желали устроить порядокъ и внутренній миръ, но далеко не всегда въ томъ успѣвали: порядокъ слагался медленно, постепенно. Нужны были большія усилія, тяжелыя пожертвованія, да историческія внѣшнія испытанія, чтобы могъ выра-

ботаться прочный внутренній порядокъ и прочная государственная власть. До этого было пока еще далеко въ XII вѣкѣ.

IV.

Скажемъ объ отцѣ и братьяхъ Игоря Ольговича и объ отношеніяхъ межъ братьями.

Отецъ его Олегъ Святославичъ—личность очень замѣтная среди князей того времени: мужественный, воинственный и суровый, онъ памятенъ своей превратной судьбой и частымъ нарушеніемъ внутренняго мира земли. Долгое время онъ домогался черниговскаго княжества, котораго не давали ему дяди, Ярославичи, и двоюродный братъ, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ: не разъ Олегъ брался за оружіе, но терпѣлъ неудачи на войнѣ, напримѣръ поражение на Нежатиной нивѣ (6); скитался то въ отдаленной Тмутроканѣ, то въ предѣлахъ Греціи; воротясь въ Русь, онъ снова взялся за оружіе, неоднократно приводилъ половцевъ на черниговское княжество, въ качествѣ своихъ союзниковъ, причемъ позволялъ имъ грабежи и плѣвенія. Олега очень строго осуждали за союзъ съ Половцами; про него говорили, что онъ „мечемъ ковалъ крамолу“; его прозвали вмѣсто Святославича „Гориславичемъ“, т. е. княземъ несчастливой, печальной памяти. Но справедливость требуетъ сказать, что Олегъ не безъ права домогался черниговскаго княжества: въ свое время въ Черниговѣ сидѣлъ его отецъ, значить Олегъ домогался вотчины. И онъ наконецъ достигъ своей цѣли, изгнавъ силой изъ Чернигова Владиміра Мономаха, и самъ сѣвъ на его мѣсто; но сидѣлъ на немъ не долго, вынужденный уступить его старшему брату, Дазыду Святославичу. Въ 1097 году старшіе русскіе князья собрались на съѣздъ въ городъ Любечъ, на родину преподобнаго Антонія, старинный черниговскій городъ. „Зачѣмъ мы — говорили здѣсь

князья -- губимъ русскую землю, враждуя другъ съ другомъ? Зачѣмъ даемъ грабить ее Половцамъ? Будемъ отнынѣ единодушны, будемъ сообща соблюдать землю, и пусть каждый князь довольствуется своей вотчиной". Такъ разсудили князья и поцѣловали крестъ другъ другу на томъ, что каждый будетъ доволенъ своей вотчиной: Давыду Святославичу данъ Черниговъ, а Олегу—Новгородъ-Сѣверскій. Съ тѣхъ поръ Олегъ Святославичъ жилъ спокойнѣе, а въ послѣдній годъ жизни, вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ и съ другими родственными князьями, праздновалъ общерусскій праздникъ,—братскій праздникъ мира и любви. Именно въ 1115 году, мая 1 дня, въ Вышгородѣ что пѣдъ Кіевомъ, была освящена новая каменная церковь во имя св. князей—братьевъ Бориса и Глѣба; на завтра 2 мая въ эту новую церковь были перенесены мощи св. мучениковъ изъ прежней деревянной церкви въ томъ же Вышгородѣ. На торжествѣ перенесенія Мономахъ и Олегъ слегка поспорили вотъ по какому поводу: великій князь, Владиміръ Мономахъ желалъ, чтобы мощи св. братьевъ были поставлены среди храма подъ особый серебряный навѣсъ („теремъ“), который имѣлъ быть выстроеннымъ на счетъ великаго князя; Олегъ же Святославичъ съ братомъ Давыдомъ желали поставить гробницы мучениковъ у правой стѣны храма, въ особомъ углубленіи („комарѣ“), въ томъ мѣстѣ, которое было намѣчено еще отцомъ ихъ, Святославомъ Ярославичемъ. (7). Но само собою разумѣется, что долго разногласить о такомъ дѣлѣ не приходилось: неприлично, неумѣстно было бы это въ торжественный праздникъ, у гробовъ св. мучениковъ; да и самый-то споръ Мономаха и Олега происходилъ собственно отъ великаго усердія ихъ обоихъ къ памяти св. мучениковъ князей: такой споръ не трудно было уладить. Митрополитъ и епископы, бывшіе на торжествѣ, предложили князьямъ рѣшить разногласіе жребіемъ, какъ особымъ видомъ суда

Божія. Положили два жеребья на престолѣ въ алтарѣ, Мономаховъ и Олеговъ; вынулся жеребій Олега, — и тогда гробницы мучениковъ были поставлены въ стѣнномъ углубленіи церкви. Послѣ церковной службы слѣдовало богатое угощеніе отъ князей духовенству, боярамъ и всѣмъ людямъ: праздновали весело три дня, послѣ чего князья разѣхались въ полномъ согласіи и любви. Впослѣдствіи Владиміръ Мономахъ оковалъ гробницы св. Бориса и Глѣба золотомъ да серебромъ, равно и стѣнные своды, подъ коими онѣ стояли. Такъ усердно чтили русскіе князья святыхъ братьевъ—мучениковъ! У ихъ гробницъ они сами живѣе чувствовали братскую любовь.

Вскорѣ послѣ вышгородскаго праздника скончался Олегъ Святославичъ (1 авг. 1115 г.), и погребенъ въ Черниговѣ, въ Спаскомъ соборѣ.

Его старшимъ сыномъ былъ Всеволодъ, среднимъ Игорь, нашъ блаженный князь, а младшимъ—Святославъ. Отъ этихъ сыновей Олега всѣ потомки ихъ, да и всѣ вообще черниговскіе князья стали называться Ольговичами. Будучи вотчинниками роднаго княжества черниговскаго, они не отказывались и отъ владѣнія Кіевомъ, когда находили, что кто нибудь изъ нихъ по родовому старшинству имѣетъ на то право: „вѣдь мы одяго отца дѣти“, говаривали Ольговичи Мономаховичамъ, то есть имѣемъ-де общаго родоначальника съ вами. Да и Днѣпръ не такая граница, чтобы рѣзко раздѣлять черниговскую область и кіевскую: на дѣлѣ выходило, что Днѣпръ скорѣе сближаетъ Черниговъ съ Кіевомъ, чѣмъ раздѣляетъ; къ Кіеву течетъ и главная рѣка черниговской области Десна, впадающая въ Днѣпръ подъ самымъ Кіевомъ.

Всеволодъ Ольговичъ, старшій изъ братьевъ, былъ князь предприимчивый, ловкій и изворотливый, но притомъ не искренній,

непрямой человекъ. Онъ насильственно завладѣлъ Черниговомъ, изгнавъ оттуда дядю Ярослава Святославича, умертвивъ вѣрныхъ бояръ его и пограбля ихъ дома; не довольствуясь этимъ владѣніемъ, онъ хотѣлъ получить себѣ еще Кіевъ, и дѣйствительно получилъ его, изгнавъ оттуда опять также силой Мономахова сына Вячеслава. При этомъ случаѣ Всеволодъ обѣщалъ брату Игорю Ольговичу посадить его въ Черниговъ на все мѣсто, но не сдержалъ слова, посадилъ въ немъ двоюроднаго брата, Владимира Давыдовича. Вотъ первая обида князю Игорю отъ роднаго брата, отъ великаго князя кіевского! Дѣлалъ это Всеволодъ Ольговичъ въ своихъ особыхъ видахъ: хотѣлъ ссорить родныхъ братьевъ съ двоюродными, чтобы себѣ самому извлекать выгоды изъ ихъ неладовъ. Въ то же время великій князь, враждуя съ одними Мономаховичами, заискивалъ у другихъ, именно у Изяслава Мстиславича, внука Мономахова, князя весьма храбраго, предприимчиваго и во всѣхъ отношеніяхъ даровитаго, который при томъ же былъ родной братъ супруги Всеволода. Онъ дѣйствительно пріобрѣлъ на свою сторону Изяслава Мстиславича: зять и шуринъ жили по большей части въ ладахъ; Изяславъ и княжескій свой столъ имѣлъ не подалеку отъ Кіева, именно въ Переяславлѣ. Союзъ сильнѣйшаго Ольговича и даровитѣйшаго Мономаховича былъ благотворенъ для общаго земскаго мира и выгоденъ лично для нихъ.

За то родные братья великаго князя, Игорь и Святославъ Ольговичи не были имъ довольны; они чувствовали себя обиженными тѣмъ, что не получили отъ него ни Чернигова, ни Переяславля, тѣмъ, что лучшія волости вокругъ Кіева онъ предоставлялъ своему сыну да женинымъ роднымъ. Братья говорили съ неудовольствіемъ про великаго князя, роднаго старшаго брата: „нашъ братъ великій князь имѣетъ любовь со Мстиславичами, со